

Марина Бехтерева

18+

Правнучка В.М. Бехтерева
о нем и его детях
И как было на самом деле

Ольга

Владимир

Петр

Мария

Екатерина

Марина Бехтерева

Правнучка В.М. Бехтерева

о нем и его детях. И как было на самом деле

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67034736
SelfPub; 2021*

Аннотация

Книга Марины Анатольевны Бехтеревой (правнучки великого русского ученого, академика Владимира Михайловича Бехтерева) повествует о жизни В.М. Бехтерева в кругу своей семьи и о судьбах его детей, которых она близко знала. Автор опровергает «факты», изложенные некоторыми писателями, журналистами и прочими, кто писал и снимал фильмы об ученом и которые, по ее мнению, исказили историю семьи. Книга написана по воспоминаниям автора о совместной жизни с детьми Владимира Михайловича в его доме на Каменном острове в Ленинграде (Санкт-Петербурге). Большинство представленных фотографий и документов из семейного архива ранее никогда не публиковались. Также затронута тема загадочной смерти В.М. Бехтерева, которая по сей день остается «тайной за семью печатями». Возможно, те, кто занимается исследованием этой трагедии, найдут ключ

к вековой исторической загадке в тексте книги «между строк»
и выдвинут новые версии преступления.

Содержание

Предисловие	5
Глава первая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Марина Бехтерева Правнучка В.М. Бехтерева о нем и его детях. И как было на самом деле

Предисловие

Эту книгу я написала на опережение статей и публикаций тех авторов, которые наверняка вспомнят о великом русском психиатре, невропатологе, физиологе, психологе и общественном деятеле Владимире Михайловиче Бехтереве, – ученом с мировым именем – в канун грядущих дат: 165-летия со дня рождения и 95-летия со дня смерти, которые наступят в 2022 году. Безусловно, интерес к личности В.М. Бехтерева не ослабевает и по сей день.

Сегодня внимание к ученому вызвано в основном не масштабом его научной деятельности, а загадочной смертью и его личной жизнью. И от этого уже никуда не деться – это «издержки нашего времени». К сожалению, в книгах и разного рода публикациях, которые я читала, и даже в документальных фильмах о нем многие авторы искажают факты личной жизни Владимира Михайловича; я надеюсь, что не на-

меренно, но меня удивляет, откуда берутся приводимые ими сведения.

А некоторое время тому назад мне стало известно, что в августе 2019 г. в Музей уездной медицины им. В.М. Бехтерева Елабужского государственного музея-заповедника господином Ф.Э. Арэ, племянником Б.Я. Гуржи (в девичестве Арэ), были переданы документы из их семейного архива. Б.Я. Гуржи являлась второй женой В.М. Бехтерева, и после замужества стала носить его фамилию. В браке они состояли 1 год и 5 месяцев, до момента смерти Владимира Михайловича.

Еще ранее я обнаружила статью «Памяти Берты Яковлевны Бехтеревой», опубликованную в журнале «История Петербурга» №2(48) за 2009 г., автором которой тоже является Ф.Э. Арэ. Эта статья разлетелась в интернете. Суть этой статьи сводится к попыткам автора доказать непричастность Берты Яковлевны к смерти своего мужа. Господин Арэ приводит в качестве доказательства документы и черновики писем, которые, как он считает, дают представление о ее роли в жизни ученого в последние его годы и истинном характере взаимоотношений Владимира Михайловича и Берты Яковлевны.

Я понимаю родственников Ф.Э. Арэ, которые живут с мыслью о том, что многие обвиняют Б.Я. Гуржи (Бехтереву) в причастности к смерти моего прадеда и им хочется найти ей оправдание. Однако все дети Владимира Михайловича

были твердо уверены в ее виновности.

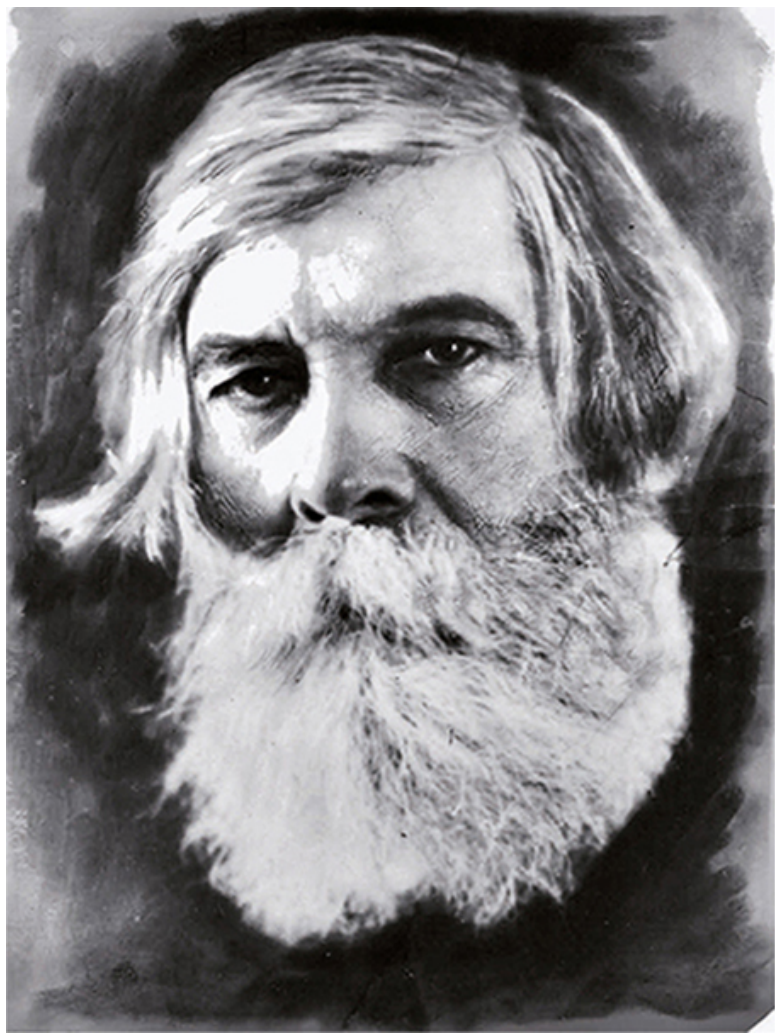
Мне хочется изложить свои мысли по поводу вышеупомянутой статьи и прочих публикаций, а читатели, кому будет интересно это читать, рассудят, правы ли были дети Владимира Михайловича, обвиняя Берту Яковлевну в причастности к смерти их отца.

А чтобы авторы статей и книг не писали о личной жизни В.М. Бехтерева и его семье превратно, беру на себя смелость затронуть эту тему, основываясь на сохранившихся семейных архивных документах и воспоминаниях его детей – свидетелей тех событий. Тем более что шлейф от загадочной смерти В.М. Бехтерева тянулся еще многие годы и негативно отражался не только на судьбах его детей, но и на памяти о великом ученом, имя которого многие годы было предано забвению.

Раз уж я решилась на написание этой книги, то непременно хочу рассказать и о детях Владимира Михайловича, о которых никогда никто не писал, даже в Википедии приведены скудные и неточные данные. А каждый из них прожил достойную жизнь. Особенно уделю внимание сыну Владимира Михайловича – Владимиру, моему деду, поскольку его я знала ближе всех. Будучи морским офицером, он внес немалый вклад в дело развития и строительства Морского Флота нашей страны.

Прошу читателей проявить снисхождение к моему «писательскому» творчеству, поскольку по образованию я далеко

не литератор.

Владимир Михайлович Бехтерев (1857 – 1927)

Глава первая

Так распорядилась судьба, что я оказалась единственной, кто тесно общался со всеми детьми В.М. Бехтерева, кроме Петра, который стал жертвой политических репрессий 1937 года. Напомню, что у Владимира Михайловича с его женой, Натальей Петровной Бехтеревой (в девичестве Базилевской), было пятеро детей: Ольга, Владимир, Петр, Екатерина и Мария. Шестой ребенок (первенец) – Евгений – умер в детском возрасте. Я прихожусь внучкой Владимиру (Владимиру Владимировичу Бехтереву). На момент написания книги еще здравствует сын Марии, проживающий в США – Михаил Александрович Данилевский – внук В.М. Бехтерева.

После прочтения статьи Ф.Э. Арэ «Памяти Берты Яковлевны Бехтеревой» у меня сразу возникли вопросы. Почему статья появилась только в 2009 году, после смерти академика Натальи Петровны Бехтеревой – внучки В.М. Бехтерева? Рассчитывалось, что некому будет ответить?

(Фамилия, имя и отчество внучки Владимира Михайловича Бехтерева одинаковы с фамилией, именем и отчеством его жены!).

Ф.Э. Арэ пишет, что Н.П. Бехтерева на всю страну сообщила мнение своего отца Петра о том, что Берта Яковлевна могла убить мужа и в подкрепление этой версии сказала, что

Берта Яковлевна была членом большевистской партии и ее могли заставить это сделать.

Я поддерживаю версию Натальи Петровны, поскольку такое мнение было не только у Петра, но и у всех детей Владимира Михайловича. Может быть, Берту даже и не заставили, а она сама по идейным соображениям могла совершить такой поступок, если ей были предоставлены какие-то убедительные на то время аргументы или выгодные предложения. Много примеров поступков такого рода, совершенных женщинами, мы знаем. Помните советский художественный фильм «Сорок первый», где главная героиня фильма – коммунистка Мария – застрелила своего возлюбленного, поручика Белой армии. Идеология оказалась сильнее любви! Или жена Михаила Калинина, Екатерина – член партии, написавшая в ОГПУ письмо, где обвинила своего брата в контрреволюционной деятельности, вследствие чего он был расстрелян, и т.д.

Итак, Ф.Э. Арэ пишет: *«Б.Я. Арэ родилась в селе Нойшваненбург Лифляндской губернии России. ... в семье латышских крестьян... получила среднее образование в Латвии. Кроме латышского языка владела русским и немецким. ...В 1908 году, то есть в возрасте 21 года, она жила самостоятельно, без родителей, в городе Терийоки (ныне г. Зеленогорск Ленинградской области)».*

Из истории Зеленогорска: «В период Революции 1905-1907 годов здесь находились конспиративные кварти-

ры ЦК РСДРП и других революционных партий и групп, проводились их конференции и совещания. Здесь находились перевалочные базы запрещенной литературы и оружия. В 1908 году в Терийоки постоянно проживало чуть больше 6 тыс. жителей».

Вопрос: как оказалась в Терийоки родившаяся и проживавшая в Латвии Б.Я. Арэ? Что она там делала, вдалеке от родителей, и с какой целью поселилась рядом с усадьбой Владимира Михайловича «Тихий берег»?

Далее Ф.Э. Арэ пишет: *«Ее первым мужем был Петр Петрович Гуржи, человек весьма состоятельный. ...Петр Петрович умер в 1916 году. Он страдал прогрессирующим параличом, лечился у В.М. Бехтерева... ...следует учесть, что она унаследовала большое состояние после смерти первого мужа, которое хранилось за границей»*. (А также квартиру в центре Петрограда, на Гагаринской улице д.14, которая принадлежала П.П. Гуржи).

Вопрос: каким образом латышке из крестьянской семьи, но владеющей тремя языками, удалось выйти замуж за богатого «буржуа», да ещё пациента В.М. Бехтерева?

Ф.Э. Арэ возмущен тем, что М.И. Буянов (психиатр, член Союза журналистов СССР), выявил родство Берты Яковлевны с Генрихом Ягодой: *«Как могла латышка, выросшая в Латвии, оказаться родственницей еврея Еноха Гершиновича Иегуды, уроженца г.Рыбинска, который до 1912 года был жителем Нижнего Новгорода?»*.

Я не знаю, была ли Берта родственницей Генриху Ягоде, но если посмотреть его биографию, то в 1913 году он переезжает в Санкт-Петербург, и познакомиться с ним она вполне могла уже тогда, проживая в пригороде Петербурга с 1908 года.

Господина Арэ удивляет версия Н.П. Бехтеревой, что Берта Яковлевна была членом партии, и это поражает его своей нелепостью: *«Она не могла быть членом партии, прежде всего по своим убеждениям. В моей семье вообще нет, и не было, членов партии. Мне удалось прожить более 80 лет не только без партийного, но и без комсомольского билета»*. (Без комсомольского билета в СССР?!).

Всем хорошо известно, что в советское время так была устроена система, что многие вступали в партию вовсе не по убеждению, а для карьеры. А для некоторых профессий членом партии надо было быть обязательно. И абсолютное большинство из них были вполне порядочными и честными людьми. А в те годы можно было быть и членом другой партии – например, Латышской социал-демократической.

Известно, что Берта Яковлевна Гуржи после Революции работала в канцелярии Петроградской Комиссии по улучшению быта ученых (КУБУ), организованной по инициативе Максима Горького.

Вопрос: кто ее туда устроил? Бехтерев (по версии Ф.Э. Арэ)? Горький? Или Ягода, состоявший с Горьким в дружеских отношениях?

Ф.Э. Арэ пишет: *«В то время Берта Яковлевна была в хороших отношениях со всеми членами семьи В.М. Бехтерева, общалась с ними в Петербурге, вместе с некоторыми из них и с В.М. Бехтеревым ездила отдыхать на юг. ...После бракосочетания с В.М. Бехтеревым отношение некоторых членов его семьи к Берте Яковлевне резко изменилось. Не меркантильные ли соображения стали причиной того изменения? Впрочем, хорошие отношения Берты Яковлевны с дочерьми В.М. Бехтерева Ольгой и Марией сохранились и после бракосочетания, и после его смерти».*

Вот тут скажу резко! Ложь! Берту Яковлевну никто не любил и до бракосочетания, и после. Все дети Владимира Михайловича не выносили ее взрывной характер. Она обладала способностью настаивать на своем, добиваться своей цели, не уступая ни в чем и никому. Часто могла закатывать истерики на пустом месте. Все удивлялись, как Владимир Михайлович ее терпит. А говорить о том, что после смерти отца дочери Ольга и Мария были с ней в хороших отношениях, даже в голове не укладывается. Только Мария однажды была в деловой заграничной поездке вместе с отцом и Бертой. И в Кисловодск ездили один раз вместе потому, что Владимир Михайлович хотел совместить свой отдых и лечение Марии. Там же Владимир Михайлович и Берта поженились 27 июля 1926 года. Мария очень удивилась этому, но не вправе была возразить. Эта женитьба была такой же загадочной для всех его детей, как и его смерть. Мария, рассказывая мне

об этом, говорила, что настроение у отца тогда было почему-то «не очень радужное». Берта старалась в той поездке всячески угодить ей, задаривала подарочками, в надежде, что хоть Мария будет к ней хорошо относиться. Однако все ее усилия были напрасны.

Вот что пишет о Берте Мария в своих «Воспоминаниях об отце, В.М. Бехтерева» (из архивных материалов музея Научно-исследовательского Психоневрологического института (НИПНИ) имени В.М. Бехтерева в Санкт-Петербурге):

«Не думаю, чтобы она имела какое-нибудь образование, но кроме русского и латышского, хорошо говорила по-немецки и, как говорили многие, знавшие ее папины сотрудники, имела «министерский» ум. Действительно, она обладала способностью устраивать всякие дела, кому нужно вовремя сказать, устроить встречи нужных людей и сделать так, чтобы получилось именно так, как она находила нужным. Была весела и приветлива, но если что-либо задуманное не удавалось, или возникало какое-нибудь пустяшное недоразумение, настроение ее резко менялось, она несколько дней не разговаривала, делалась злая и неприступная. Мне часто казалось, что ее веселость и приветливость были неестественными, а на отца такие перемены действовали угнетающе, и он становился мрачным и неразговорчивым. Вероятно, из-за такого характера ее и не любили папины сотрудники. Во-первых, потому, что все дела, даже в папных учреждениях, она хотела управлять по-своему и, во-

вторых, так как действовала на отца своими настроениями, вернее даже капризами, в то время как все его сотрудники очень любили его».

А что пишет сам Ф.Э. Арэ о ней: *«По всей вероятности, Берта Яковлевна до конца своей жизни не знала о том, что ее подозревали в убийстве В.М. Бехтерева. Она была женщиной с сильным характером, и если бы знала, то не оставила эти обвинения без ответа».*

Вопрос: что заставило В.М. Бехтерева жениться на женщине с характером совершенно противоположным тому, что был у его жены, Натальи Петровны, да еще через 3 месяца после ее кончины? Любовь? Обязанность? Вынужденность? А может быть была какая-то договоренность с Бертой или с кем-то, повлиявшая на заключение такого скорого брака? Должно было произойти нечто экстраординарное, чтобы Владимир Михайлович, с его высокоморальными устоями и большой любви к своей семье, кардинально изменил своим жизненным принципам. Тем более все это странно тем, что после женитьбы на Берте он продолжал жить в своем доме на Каменном острове вместе с детьми, работая в прежнем графике.

И еще «о хороших отношениях» Берты Яковлевны с детьми В.М. Бехтерева.

После смерти Владимира Михайловича дом на Каменном острове, даже без уведомления наследников, был «передан» Бертой государству, о чем упоминает Ф.Э. Арэ.

Кратко напишу об истории этого дома, поскольку борьба за него велась детьми Владимира Михайловича вплоть до 1954 года.

В 1911 году В.М. Бехтерев получает разрешение от «Их Высочества Принцессы Елены Георгиевны Саксен-Альденбургской и Герцога Михаила Георгиевича Макленбург-Стрелицкого для заключения контракта на участок земли площадью 3177 кв.м., для возведения двухэтажного особняка и служебных построек.

Первоначальный деревянный дом В.М. Бехтерева.

Слева от дома виден флигель, справа – дом В.А. Плансона

Проект утвержден отделом Частновладельческого Строительства Санкт-Петербурга. Владимир Михайлович заказывает архитектурный проект дома у гражданского инженера М. Девишина по своим собственным эскизам. Цвет и отделку фасадов дома тоже выбирает на свой вкус. Это двухэтажное деревянное здание было возведено на мощном бутовом фундаменте, снаружи обшито тесом и оштукатурено. Фасады решены в неоклассическом стиле с использованием фронтонов, портика, террас и балконов. Рядом с домом, на участке были построены двухэтажный флигель с мансардой для прислуги и подсобные постройки.

Современный дом В.М. Бехтерева (2020 г.)

В 1914 году из казенной квартиры на Боткинской улице Владимир Михайлович переезжает в дом, построенный на свои личные средства, и начинает проживание в нем вместе со всей своей семьей (женой Натальей Петровной и пятью детьми). В первом этаже дома были устроены кабинет для приема больных, лаборатория, библиотека и другие помещения.

Последние годы жизни Бехтерев жил постоянно в своем доме на Каменном острове с Марией, Владимиром, Ольгой и членами их семей, а также со своим старшим братом Ни-

колаем Михайловичем; другого жилья ни у кого из них не было. Берта же все полтора года брака с Владимиром Михайловичем жила отдельно в своей квартире на Гагаринской улице.

Владимир Михайлович за работой, в кабинете на Каменном острове

Вопрос: что повлияло на решение Берты отобрать дом у

детей Владимира Михайловича после его смерти? Этот подлый поступок был мстью детям за «хорошие отношения»? И возможно ли такое было проделать без покровителей в Центральном комитете большевистской партии или НКВД?

В один «прекрасный» день дети Владимира Михайловича со своими семьями и его брат оказались на улице – их «попросили» освободить дом. Пришлось срочно хлопотать об отмене передачи дома государству, подавая жалобы в различные инстанции и иски в суд. Только усилиями моего деда Владимира и Ольги удалось сначала добиться досудебного решения Облисполкома от 13.09.1928 года и остановить выселение, а потом уже суд принял решение оставить половину дома детям, остальное передать государству.

Ф.Э. Арэ пишет: *«Члены семьи В.М. Бехтерева передачей дома были очень недовольны».*

А что, они должны были радоваться, лишившись родного дома?

Идем дальше.

Ф.Э. Арэ заявляет: *«Версия П.В. (Петра) Бехтерева подразумевает, что выдающийся психиатр В.М. Бехтерев в течение более 10 лет дружбы и совместной супружеской жизни с Бертой Яковлевной не сумел распознать в ней человека, способного его убить. Это оскорбление памяти собственного отца и великого ученого».*

Или: *«... Берта Яковлевна и В.М. Бехтерев после кончины П.П. Гуржи в течение нескольких лет жили в гражданском*

браке. Часть того времени первая жена В.М. Бехтерева жила в Финляндии. Она была тяжело больна, и недееспособна».

А еще Арэ заострил внимание на сохранившемся в их семье черновике письма В.М. Бехтерева, которое он якобы отправил своим детям из Кисловодска. В нем, помимо прочего, сказано: ... *«Прошло уже несколько месяцев как мы с Вами потеряли маму после тяжелой и долго длившейся болезни, против которой бессильными оказались все ... медицины» ...*

Вопрос: о какой супружеской жизни, о каком гражданском браке, о какой тяжелой болезни и недееспособности Натальи Петровны идет речь? Откуда Арэ взял «недееспособность»? И если действительно Владимир Михайлович писал письмо такого содержания детям, то непонятно: что он подразумевал под тяжелой и долго длившейся болезнью своей жены? Он же знал, как и все его дети, при каких обстоятельствах умерла Наталья Петровна. Безусловно знала и Берта. А вот Ф.Э. Арэ, по-видимому, эти обстоятельства были неизвестны.

Также Арэ пишет: *«По-видимому письмо далось В.М. Бехтереву нелегко. Об этом говорят многочисленные исправления. Едва ли не треть текста перечеркнута. Местами видна с трудом читаемая редакционная правка, сделанная Бертой Яковлевной карандашом. На обороте последней страницы – плохо различимые наброски обращения самой Берты Яковлены к детям В.М. Бехтерева».*

Создается такое впечатление, будто бы пером самого Бех-

терева водила чужая рука, что совершенно не свойственно его волевому характеру.

Думаю, если бы дети такое письмо получали, то они наверняка донесли бы эту информацию потомкам. Я лично ничего о нем не слышала, как и Михаил Данилевский (сын Марии), у которого я спрашивала об этом. Но, возможно, Владимир Михайлович и писал письмо детям, тогда это говорит о его скоропалительном решении жениться на Берте, именно в Кисловодске, вдалеке от своих близких. И это вызвало крайнее удивление Марии, находившейся рядом с ним. А поскольку Арэ пишет, что черновик письма был отредактирован Бертой, то у меня возникли вопросы и большие сомнения.

Вопрос: почему черновик письма, написанного Бехтеревым детям в Кисловодске, оказался в Ленинграде и хранился у Берты всю жизнь? Этот черновик был необходим Берте в качестве вещественного доказательства сокрытия истинной причины смерти Натальи Петровны?

А сомнения у меня возникли по поводу достоверности этого черновика и подлинности правок в нем; потому что Наталья Петровна умерла скоропостижно, в дороге, возвращаясь с покупками из Гельсингфорса (Хельсинки) в усадьбу «Тихий берег». Ни о какой ее недееспособности не было и речи, она была в полном здравии и полна сил. Правда, рядом из близких ей людей в тот трагический день никого не оказалось, даже были распущены на отдых ее помощники.

Ездить за покупками в Хельсинки было для нее тогда

обычным делом, но странность поездки была в том, что она поехала в этот день с какими-то незнакомыми ее детям людьми. На обратном пути ей внезапно стало плохо. На одной из станций ее сняли с поезда (мне в молодости, наверное, говорили где, но я не помню, также не помнила и Мария, которая мне об этом тоже рассказывала). В местной финской больнице каким-то врачом был поставлен диагноз – острый аппендицит, ее срочно прооперировали, а вскоре после операции она там же и умерла. Кто сопровождал ее в поездке, и кто присутствовал в больнице, осталось загадкой. Пока тело из Финляндии было доставлено в Ленинград, прошло несколько дней, вскрытие делать не стали. Тогда никому и в голову не могло прийти, что смерть была не случайная. Только со временем пришло понимание, что ее гибель как-то очень удачно случилась для Берты.

Наталья Петровна умерла 22 апреля 1926 года. Похоронили ее в Свято-Троицкой Александро-Невской Лавре на Тихвинском кладбище. А позднее уничтожили даже и ее могилу! Сегодня кто-то знает об этом? Для родственников это было еще одним ударом!

Подозрение о неестественности ее смерти может подтвердить, по рассказам своей мамы, Михаил Данилевский (сын Марии).

Похороны Н.П. Бехтеревой (скончалась 22 апреля 1926г.) Слева направо: Ольга, Екатерина, Владимир Кандаратский (муж Екатерины), Владимир Михайлович, Владимир, Петр, Лидия (жена Владимира), Николай Михайлович (брат В.М.), Зинаида (жена Петра).

С уходом Натальи Петровны остановилась жизнь в «Тихом берегу».

В семейном архиве сохранилась фотокопия стихотворения, написанного рукой Владимира Михайловича когда он посетил усадьбу после смерти жены:

Сейчас я посетил старинный дом,

Где прожил я с семьей счастливо годы.

С детьми, с женой, прислугой и притом,

Вдали, от суетных тревог и моды.

Теперь, увы, весь дом наш разорен,

Царят в нем мусорные кучи.

В углах и воздух затхлым напоен,

Чего не тронь, повсюду полны тучи.

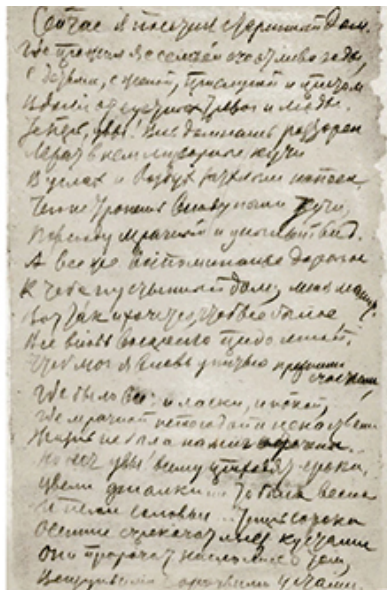
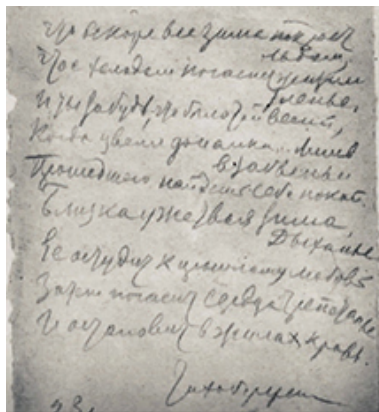
Повсюду мрачный и унылый вид,

А все же воспоминание дорогое,

К тебе пустынный дом меня манит.

Вот так и хочется, чтоб все былое,

Все вновь воскресло предо мной...

Теперь о «гражданском браке», о котором пишет Ф.Э. Арэ, и о «супружеской жизни».

После революции, в первые годы Советской власти, в до-

ме на Каменном острове, где помимо жилых помещений был и кабинет Владимира Михайловича для приема больных, не было даже воды; приходилось ходить с ведрами за водой на Малую Невку. Не было ни света, ни дров, чтобы обогреться, а Владимиру Михайловичу нужно было принимать больных. В таких условиях совершенно невозможно было работать. А пациентов обращалось очень много, до сорока человек в день. Больные приезжали из других городов и областей, многие из них не имели средств заплатить за визит к врачу, но Владимир Михайлович в помощи никогда никому не отказывал и работал до глубокой ночи. Улицы не освещались, транспорта не было, приходилось ходить пешком. Дом находился далеко от центра, а тем более от Психоневрологического института. Ему и его пациентам добираться до Каменного острова было очень трудно. Тогда-то Берта Яковлевна и предложила принимать пациентов у нее на квартире в центре города, 3 раза в неделю, как обычно. В таком графике он и раньше работал много лет: в другие дни у него были лекции, конференции и т.п.

Мои бабушка и дедушка (Лидия и Владимир) много рассказывали, как они жили в доме на Каменном острове совместно с Владимиром Михайловичем, Натальей Петровной и другими членами семьи. Летом, а иногда и зимой, особенно на Рождество – в «Тихом берегу», где дружно проводили время.

Владимир Михайлович всегда был в кругу своей семьи,

даже после женитьбы на Берте. Поэтому слова Ф.Э. Арэ – *«По- видимому, в то время всех детей В.М. Бехтерева устраивало то, что Берта Яковлевна заботилась об их одиноком отце»* – звучат странно! О нем всегда было кому позаботиться, тем более когда была жива Наталья Петровна. Конечно, после смерти жены, с которой прожил 47 лет, он ощутил чувство одиночества, что естественно после потери любимого и близкого человека. Но рядом с ним всегда находились дети и внуки, поскольку его устраивало проживать вместе с ними и работать в своем кабинете на первом этаже дома на Каменном острове, куда Берта после бракосочетания с ним иногда навещалась. Второй кабинет на Гагаринской улице он использовал для приема пациентов, как и прежде. Так он работал и жил до самой своей смерти.

Я могу предположить, что деловые отношения Владимира Михайловича и Берты могли перерасти в более близкие еще до гибели Натальи Петровны. Было бы даже удивительно, если бы он, здоровый мужчина, не обратил должного внимания на молодую женщину, оказавшуюся загадочным образом рядом с ним.

Однако жена и любовница – это «две большие разницы». Совместная супружеская жизнь или гражданский брак подразумевают совершенно другие отношения. Владимир Михайлович никогда бы на ней не женился, если бы Наталья Петровна была жива. Берта это прекрасно понимала (и не только она).

Дальше Ф.Э. Арэ приводит слова Георгия Бальдыша: *«Наталья Петровна осталась одна ...на даче, отрезанная в ноябре наступлением белофиннов».*

Я прекрасно помню, как к нам домой на Каменный остров приходил Георгий Бальдыш, он тогда собирал материал для написания книги «Бехтерев в Петербурге – Ленинграде». К сожалению, уже тогда не было в живых ни бабушки, ни дедушки, поэтому рассказы были в основном со слов моей мамы. Потом он нам подарил напечатанную книгу с надписью: «Внукам и правнукам великого Бехтерева с благодарностью за помощь в создании этой книги. От автора. 2 декабря 1980 г». Папа, прочитав книгу, сказал: «Ну и насочинял!».

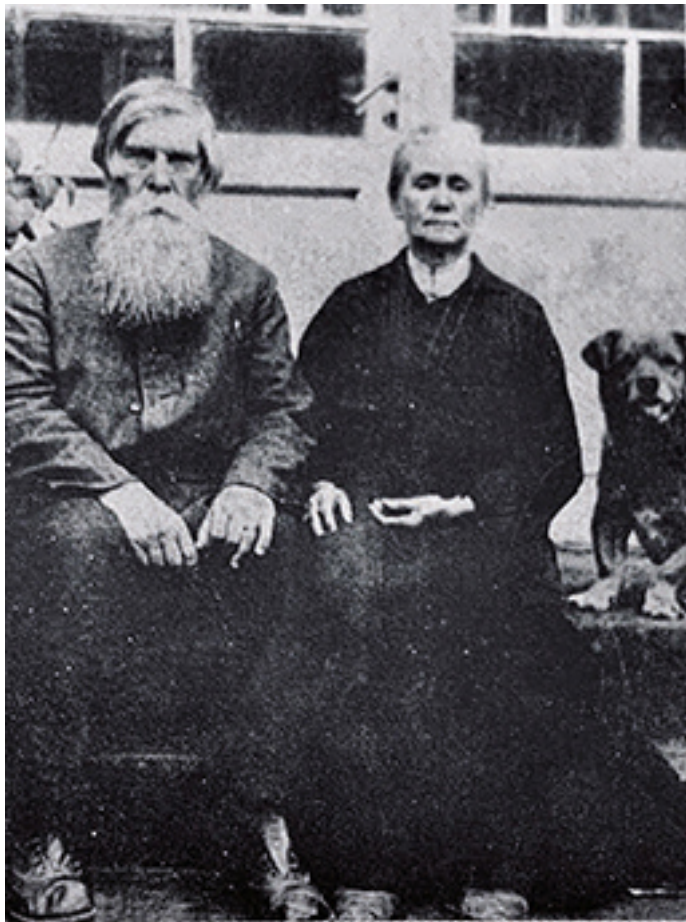
Действительно, в этой книге столько живописного художественного вымысла, что когда читаешь, думаешь, наверное, все так и было. Поскольку Ф.Э. Арэ в своей статье ссылается на книгу Бальдыша, то, может быть, «тяжкая болезнь и недееспособность» Натальи Петровны появились в его воображении по ассоциации с полностью вымышленным в этой книге эпизодом: *«Вот и я свою подругу потерял. Трудно сказать, чего бы я достиг без ее советов, подсказок, без ее забот. Схоронил недавно – Знаю, знаю. Да она уже из-за границы приехала у вас хвора. Устала, наверное, от разлуки. Достойная женщина была Наталья Петровна».*

Возможно Георгий Бальдыш, как писатель, решил перенести время действия события и применил литературный прием «гротеска». Моя мама, в моем присутствии, рассказывала

ему о болезни Натальи Петровны в 1919 году, когда та тяжело болела воспалением легких, долго лечилась и, к общему счастью, поправилась. О том, что Наталья Петровна болела в те годы и выздоровела, в своих воспоминаниях писала и Мария.

А потом эти и им подобные «художественные» сочинения идут в народ, и в результате – «что написано пером, не вырубить топором».

С 1917 года для каждого человека нашей страны жизнь круто изменилась. Когда я спросила тетю Мусю (я так называла Марию, как она просила, т.к. дома ее все называли Мусей), как началась революция, она ответила: «Очень просто. Пришли матросы с винтовками. Папы дома не было. Вломали дверь гаража, забрали папин «Мерседес» и уехали на нем. Больше мы «Мерседеса» не видели. Так началась революция».

1925 год. Последнее лето, проведенное вместе в усадьбе

«Тихий берег»

Владимир Михайлович с детьми (Катей, Петром и Владимиром)

Этот период в своей автобиографии описывает и сам Владимир Михайлович:

«Но нельзя скрыть и того, что в первые годы Октябрьской революции научная деятельность в означенных учре-

ждениях, и в том числе, лично моя деятельность, затруднялась, в невероятной степени по причине тяжелых материальных условий, особенно в период голода и военного коммунизма, при отсутствии света в домах и в учреждениях, при невероятном иногда холоде в последних по причине недостатка или даже почти полного отсутствия средств сообщения. Многие ученые, как известно, бежали за границу. И мне, конечно, предоставлялись разные возможности переезда за границу; но я ничуть не завидовал тем, которые предпочли за границу своему дому, хотя должен сказать, что мне вместе с семьей приходилось в голодные годы питаться нередко лишь овсом и ржавой селедкой или воблой. Однако, другим приходилось в это время еще хуже, ибо, как известно, умирали от голода даже целые больницы, и гибло от голода неисчислимое количество рабочих и крестьян».

Нам было известно, что у нас есть американские родственники, но мы не знали, как и где они живут. Однажды раздался звонок по телефону, звонил Андрей Петрович Бехтерев (брат академика Натальи Петровны Бехтеревой) и сообщил, что у него сейчас находятся в гостях Мария с дочерью, и они очень хотят приехать к нам познакомиться и побывать в родном доме на Каменном острове. Ему как-то удалось разыскать Марию. Безусловно, мы были рады, впрочем, Андрея Петровича мы тоже видели в первый раз. А привезла их всех невестка Андрея Петровича. Это было в 1992 году. После этой встречи у нас с Марией и ее дочерью Верой сло-

жились очень хорошие и теплые отношения, началась переписка. А потом и ее сын, Михаил Данилевский, приехал в Петербург по своим скаутским делам и остановился у нас. Тогда мы познакомились и подружились с Михаилом, как полагается родственникам. Он с 1945 года состоял во Всемирной скаутской Организации Российских Юных Разведчиков (ОРЮР). В то время он был уже Старшим скаутмастером и руководителем этой организации. Эта организация, запрещенная в СССР, создана в России еще до революции О.И. Пантюховым, который на скаутском съезде в Новочеркасске был избран Старшим скаутом России.

Во всех последующих поездках в Россию Михаил всегда останавливался у нас дома на Каменном острове. А в 1994 году он пригласил нас к себе в Вашингтон. Тогда нам с мужем и сыном удалось побывать не только у него в гостях, но и в американском скаутском лагере, а потом и у тети Муси во Флориде (в пригороде города St.Petersburg). У них там был небольшой домик (по-нашему дача), куда Муся любила ездить на лето из Сан-Франциско (где жила постоянно с дочерью Верой и ее семьей).

В год 150-летия со дня рождения В.М. Бехтерева, на торжество по этому поводу, НИПНИ им. В.М. Бехтерева в Санкт-Петербурге пригласил всех родственников. Тогда мы познакомились и с детьми Миши и Веры. И только в 2007 году, наконец, вместе со всеми американскими родственниками мы сидели за одним большим столом у нас дома на Ка-

менном острове, где любили встречать гостей бабушка с дедушкой и мама с папой. Этого момента они так и не дождались. Очень жаль, что не было с нами уже и Марии, которая умерла в Сан- Франциско 29 октября 1997 года, прожив более 93 лет.

А задолго до этих событий я видела Марию у нас дома, на Каменном острове, через щелочку в двери. Это было в 1961 году, тогда мне было 9 лет, и я не понимала, почему меня закрыли в комнате и велели не выходить. Смотря тайком за происходящим в закрытой от меня комнате, я наблюдала такую картину: за столом сидели дедушка, бабушка, Таня (их дочь), тетя Катя (дедушкина сестра) и какая-то незнакомая тетка. Они пили чай и разговаривали между собой. Иногда почему-то плакали, иногда смеялись. Я хотела подслушать, о чем говорят, но когда приоткрывала дверь, ее закрывали, погрозив мне пальцем.

Только повзрослев, я узнала, что незнакомая мне женщина была младшая сестра Владимира – Мария. Однажды, во времена «хрущевской оттепели», через какого-то курьера дедушка получил письмо из-за границы, в котором говорилось, что Мария собирается приехать в июле в Ленинград и хочет встретиться с родственниками. Дедушка, конечно, отказать не мог и сообщил, чтобы приезжала. Ему невероятно хотелось увидаться с Марией, но он отлично понимал, что ее визит может пагубно обернуться для всех. Когда дедушка объявил родственникам о приезде Марии из США, в до-

ме началась паника: что делать? Тогда решили, что дедушке, бабушке, Тане, Кате и Ольге уже терять было нечего, они – пенсионеры, а все остальные члены семьи должны уехать. Ольга все же побоялась встретиться с сестрой и со своими родными уехала в Крым. Папа с мамой отправились в Прибалтику на машине. Родственники со стороны Петра, видимо, тоже решили не рисковать, и никто из них на эту встречу не пришел. А я болела ветрянкой, поэтому родители меня в поездку не взяли. Эту встречу с Марией очень ждали, ее в семье все очень любили. С одной стороны, боялись последствий, а с другой стороны, о Марии ничего не знали с 1927 года, и как сложилась ее судьба, было неизвестно. И хотя она была младше дедушки на 17 лет, а бабушки на 9 лет, их взаимоотношения в семье были самыми тесными. Объединяла их любовь к театру, особенно к опере, куда часто ходили вместе. Эта встреча была не просто с Марией, а с прошлым, в котором были живы их отец и мать.

Мария остановилась в гостинице «Астория», прилетев по туристической визе. Позвонив Владимиру из телефонной будки, договорилась о встрече. По дороге она сменила 2 такси (американская наивность), а когда подъехала к дому, за деревьями уже стояли «люди в штатском». Но она не помняла решения, встреча состоялась. После отъезда Марии, все присутствующие на этой встрече (кроме меня), были вызваны в КГБ, где писали объяснительные записки. На удивление, все закончилось для них благополучно. Но в 1968 году

вдруг вызвали в КГБ моего папу, и тоже заставили писать объяснение по поводу приезда Марии, и это через 7 лет! Папа был морским офицером, как и его отец. Он окончил Кораблестроительный институт и в 1940 году по мобилизации был призван Приморским военкоматом на военную службу в ВМФ, а в 1961 году был уже ветераном ВМФ, также, разумеется, и ветераном ВОВ. Но приезд Марии для него, в конечном итоге, закончился печально. Его демобилизовали. Правда, потом ему удалось устроиться на работу в Ленинградский кораблестроительный институт на кафедру теории корабля, где он стал заниматься преподавательской деятельностью и проработал еще 16 лет.

В 1996 году тетя Муся пригласила меня пожить с ней на даче во Флориде. Одной ей уже было трудно справляться с бытовыми проблемами, а ее дети, Миша с Верой, работали. Ей очень нравилась Флорида тем, что здесь у нее было много русских друзей, с которыми можно было делиться воспоминаниями об эмигрантской жизни в Европе и Америке, а также о годах, прожитых в России. Каждый сезон она приезжала на междугороднем сидячем автобусе Greyhound через всю Америку в этот небольшой, но уютный домик, расположенный на берегу залива. От Сан-Франциско до Флориды путь очень живописный, но занимает более двух суток. Правда последний раз она уже воспользовалась самолетом. Меня удивляло, что тетя Муся, в 92 года, могла подолгу плавать в заливе и заплывать далеко от берега наравне со мной.

Вечерами, когда спадала жара, сидя на террасе, мы часто вели разные беседы. Она любила рассказывать о прошлом, особенно вспоминать приятные моменты жизни. Многие ее рассказы были мне уже известны от бабушки, бабушки и папы. Самым ярким воспоминанием было, например, как к нам в дом на Каменном острове, приходил дрессировщик Владимир Леонидович Дуров со своими собаками, а однажды пришел даже с маленьким медвежонком, от которого все были в восторге. Или как в «Тихом берегу», когда Владимир Михайлович прогуливался, собаки выстраивались в цепочку и ходили за ним по пятам. Как Наталья Петровна сама пекла лепешки, никому больше не доверяя, а потом складывала в корзину, и Владимир Михайлович увозил угощать своих больных. И много, много другого. Но однажды, когда я спросила про революцию, она начала рассказывать свою историю, которую я не знала. Тогда я попросила ее говорить помедленнее, чтобы можно было законспектировать (в то время у меня не было технических средств записи).

И вот ее рассказ:

«Школа, в которой я училась с 1914 года, в 1917 году переехала в Анапу. Тогда многие школы были эвакуированы на юг, считалось, что там было более безопасно. Жили в интернате, бывшем санатории. В этом интернате были ученики разных классов, мальчики и девочки. Уроки проходили во второй половине дня. А по вечерам собирались на балконе, где мальчишки играли на балалайках, а девчонки пели пес-

ни. Наша начальница решила устроить уроки пения, и пригласила церковного регента. Этот урок проходил в большой столовой интерната, где разучивали разные русские песни. Регент взял к себе петь в церковь меня и еще двух девочек. Девочки вскоре перестали приходить, а мне понравилось, и я осталась, тем более что я стала получать жалованье, как за церковные службы, так и за свадьбы и похороны. Я всегда посещала все службы и спевки. А когда наш класс был выпускным в 1920-м году, мы уже занимались в другом доме по две смены. Наша школа называлась «Реальное училище». Мы проходили такие предметы: аналитическая геометрия, анализ бесконечно малых частиц, тригонометрия, химия и другие. Наш класс, как старший, занимался во вторую смену, и по субботам тоже. Последним уроком была тригонометрия, а всенощная в церкви начиналась в 6 часов, и меня отпускали с последнего урока. Учитель говорил: «Иди, ты и так все знаешь».

Выпускные экзамены проходили в здании Анапской гимназии, в присутствии комиссии из Екатеринодара. Не понимаю, как получилось, что я перепутала чертежи на доске, держа экзамен по тригонометрии, и мне снизили за это оценку. Это была единственная четверка в моем аттестате. По всем остальным предметам – пятерки. Это был последний выпуск еще в старой России, и даже не в мае, а в марте, т.к. после многих событий (петлюровцы, махновцы, кубанские казаки, донские казаки), красные войска тем летом уже

окончательно заняли Анапу. Два английских крейсера стояли на море и с двух сторон бомбили Анапу. Маленькие домики, стоявшие поодаль от нашей школы, рассыпались один за другим. А наш двухэтажный дом стоял совсем близко от высокого берега, поэтому снаряды перелетали дальше. В связи с этими событиями школа прекратила свое существование. Наша начальница и другие преподаватели бросили нас, убежав в Болгарию. По инициативе папы из Петрограда был послан санитарный поезд с целью вывезти с юга раненых красноармейцев, а также забрать из Анапы детей, которые были эвакуированы из Петрограда, Екатеринодара, Новороссийска, Ростова и т.д. Начальником поезда был профессор В.М. Нарбут. Поезд состоял из вагонов четвертого класса и в своем составе имел: вагон-кухню, вагон-аптеку, вагон-библиотеку и вагон-театр. Большой, очень длинный американский товарный вагон был отведен под театр. В нем имелось небольшое возвышение, похожее на сцену, посередине вагона стоял рояль и скамейки вдоль стен для зрителей. В нашем поезде оказался В.Э. Мейерхольд, каким образом он ехал с нами, не знаю, но он с удовольствием проводил время с детьми в вагоне-театре, и даже ставил кое-какие постановки. Попасты в этот вагон можно было только в открытые боковые двери. Поезд шел так медленно, что мы на ходу выпрыгивали из своего вагона, и, подождав, когда подойдет последний вагон поезда, в котором находился театр, запрыгивали в него на ходу. Также туда попадал и Мейерхольд. Обратнo попасть

в свой вагон было сложнее: нужно было также выпрыгнуть из вагона, но бежать во всю прыть вдоль ехавшего поезда и перегонять его, а поравнявшись с нужным вагоном, зацепиться за поручень и изо всех сил заскочить в него. На всех станциях поезд стоял на запасных путях. В каком-то месте недалеко от поезда оказалась река, где мы с удовольствием купались. Поезд у этой речки стоял три дня, и мы прекрасно проводили время. Весь переезд от Анапы до Петербурга продлился 6 недель.

Наконец добравшись до дома, я узнала, что мама, только что оправившись от болезни, оказалась в Финляндии, где вынуждена была остаться сохранять наше имение в «Тихом берегу». Финляндия стала независимым государством, там тоже началась революция, затем гражданская война, а потом и война с Советской Россией. Мама боялась потерять усадьбу, тем более что в Петрограде на тот момент условия были очень тяжелые. Не было даже спичек, а о продуктах и говорить нечего. Трамваи не ходили, извозчиков было мало, автомобилей не было. Все ходили пешком посреди улиц. Мостовые из булыжников зарастали травой. Из-за Невской заставы приезжал за папой извозчик на настоящей кляче, дворник усаживал папу на дровни, сверху засыпанные сеном, и так он отправлялся в институт на лекции. Нам тогда помогал Дом ученых, организованный по инициативе В.И. Ленина и А.М. Горького, где был создан комитет по улучшению быта ученых. В комитете один раз в неделю давали про-

дукты, а именно: ржавые селедки, жуткий хлеб и мармелад, правда, мармелад был неплохой. И за этим набором продуктов надо было ходить за Троицкий мост с тележкой или санками. И если бы не мама, которой иногда удавалось передавать нам из «Тихого берега» яйца, овощи и молочные продукты, не знаю, как бы мы жили. Хотя я понимала, что простые люди жили в городе еще хуже, чем мы.

Со своими соученицами я осенью пошла в Медицинский институт. Перейдя на 2-й курс, заболела очень тяжело плевритом. Вместе с папой удалось добраться в Финляндию до усадьбы, папа побыл с нами некоторое время, а потом уехал, оставив меня поправляться. У мамы была корова, лошадь, куры и огород. Мы жили в маленьком доме. Дров было много, печи хорошо топились. Поправлялась я очень долго. Когда в 1922 году я вернулась в Петроград из «Тихого берега», мои сокурсницы уже заканчивали 3-й курс, а я еще не была совсем здорова. Поэтому в Медицинский институт я больше не вернулась. Немного погодя я поступила на музыкальные курсы Рангофа на ул. Гоголя 4. Постоянно посещала концерты в филармонии, а в оперу мы часто ходили вместе с твоими бабушкой и дедушкой после их возвращения из Крыма. Все в семье хорошо дружили».

Вспоминают о «ржавых селедках» и Муся, и Владимир Михайлович. Интересно, почему тогда они были ржавые?

Усадьба Тихий берег. На переднем плане дети. Слева направо: Владимир, Петр, Екатерина, рядом с ними – Николай Михайлович (брат В.М.), за детьми – Николай (сын Н.М.)

1902 г. На пристани. Слева направо: Ольга, Владимир Михайлович, племянник В.М. – Николай, Наталья Петровна, Петр, Екатерина

А вот, что писала ранее Мария в своих «Воспоминаниях об отце, В.М. Бехтереве» (из архивных материалов музея Санкт-Петербургского НИПНИ им. В.М. Бехтерева): *«Как-то получилось, что, будучи уже в пятом классе, я оказалась в интернате на юге России с той школой, в которой училась. Благодаря событиям мы потеряли всякую связь с*

родителями в Петрограде. Удалось все же летом приехать домой на каникулы. Когда отец увидел меня, он заплакал, и это меня очень удивило и поразило. Мама тоже плакала, но по окончании каникул меня опять отпустили в свою школу, и мы с трудом попали домой только через два года по окончании школы. Года через два – три после моего возвращения в Петроград мы с отцом ездили в «Тихий берег» и прожили с мамой почти целое лето. После этого бывали еще раза два».

Получается, что здесь Мария описывает свой приезд из Анапы на каникулы в 1918 году, и тогда мать с отцом были дома.

Из воспоминаний Екатерины: «Семейная жизнь отца, благодаря нашей матери, всецело посвятившей себя заботам о нем, быть может, даже в ущерб своим детям, протекала мирно и спокойно. Нам никогда не приходилось быть свидетелями каких-либо разногласий между родителями».

Из воспоминаний Марии: «Думаю, что многие годы отец прожил с нашей матерью в полном согласии, занятый наукой и общественной деятельностью, а дома – окруженный заботами матери. Мама была настоящей хозяйкой, и обязательные светские обязанности выполняла постольку, поскольку это было необходимо».

Владимир Михайлович в своей биографии писал:

«Надо сказать, что очень рано меня посетила любовь, и я женился уже вскоре по окончании курса, на Наталье Петровне Базилевской, дочери передового земского деятеля на

юге, переехавшего затем на службу в г. Вятку и жившего с семьей квартирантом в нашем доме. Там и произошло мое знакомство с моей будущей женой. Женидьба, однако, не отвлекла меня от научных занятий, но все же вынуждала к врачебной практике, ибо скудного жалованья начинающего военного врача, равнявшегося в то время 333 р. с 33 коп. в год, конечно, не хватало даже и на житье холостяка».

Наталья Петровна Базилевская 05.11.1872г.

Моя бабушка – Лидия (жена Владимира) тесно общалась с Натальей Петровной и вспоминала о ней с большой любовью.

Наталья Петровна после свадьбы. Казань 1880 год.

Это была мудрая, трудолюбивая, приветливая женщина, которую обожала даже прислуга. Она многим помогала Владимиру Михайловичу, проводя большую работу по организации приема больных и приведению в порядок его рукописей. Они очень хорошо ладили между собой, понимали друг друга с полувзгляда. Для нее не было большой трагедией остаться в усадьбе, потому что она умела делать всю работу по хозяйству. Сама могла и корову подоить, сама приготовить еду, не чуралась никакой работы в огороде, любила шить, вышивать. Она многому научила бабушку, та – мою маму, а мама – меня. Те же «бехтеревские лепешки», про которые вспоминала Муся, уже давно теперь пеку я.

Петр Акимович Базилевский – отец Натальи Петровны

Похороны П.А. Базилевского. Скончался 1 июня 1894 г.
Справа В.М. Бехтерев, Н.П. Бехтерева.

Тихий Берег 1909 г. На веранде. Слева направо: Владимир, Ольга, Наталья Петровна, Катя, Владимир Кандратский, за ним – Мария, ребенок – Вова (сын Ольги)

Необыкновенная скромность Натальи Петровны переда-

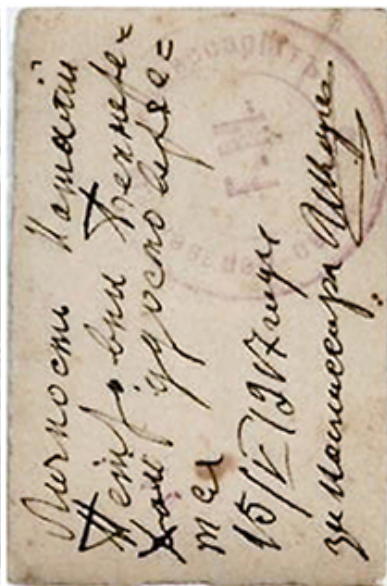
лась ее дочерям, которые никогда не испытывали любовь к предметам роскоши, ювелирным украшениям, не предавались праздному времяпровождению. Я никогда не видела дорогих украшений на ком-либо из дочерей Владимира Михайловича, а также на моей бабушке. А если отметить главную черту, которая была присуща детям Владимира Михайловича – Владимиру, Екатерине, Ольге, а к ним бы я еще добавила моего отца – Анатолия, – это патологическая скромность. Она заключалась в черте характеров, в образе жизни, в равнодушии к роскоши и излишествам, в старании одеваться сдержанно, неброско; вести себя в общении с людьми так, чтобы не привлекать к себе внимания, но всегда уважительно и деликатно.

1 фото – 1901г. Владимир, Ольга, Петр. 2 фото – Наталья Петровна. 1911 год. Тихий берег.

Все сказанное выше говорит о том, что супружеские отношения Владимира Михайловича и Натальи Петровны были вполне благополучными. Наталья Петровна, хотя и осталась одна в «Тихом берегу» сохранять имение (*«отрезанная в ноябре наступлением белофиннов»*), все же находила способы приезжать на Каменный остров и видеться с родными, а после 1920 года уже и часто. Да и у Владимира Михайловича

была возможность ездить в Финляндию по особому пропуску, который ему выдали по распоряжению В.И. Ленина. А тем более, по воспоминаниям очевидцев, границы в то время были не такие строгие, как в наше время.

1917 год. Фото Натальи Петровны на удостоверение личности

Кстати, с началом революции со школой была эвакуирована в Анапу и дочь академика А.Н. Крылова – Анна. Правда, ей повезло: она была там вместе с мамой. Мой дед, В.В. Бехтерев, был тесно связан с А.Н. Крыловым по вопросам судостроения, часто встречался с ним для решений различных задач. Алексей Николаевич считал Владимира Владимировича отличным специалистом в морском деле, а также основоположником стандартизации, как науки, в области судостроения в СССР. Они часто общались и в Казани, куда в 1941 году был эвакуирован Алексей Николаевич. А Владимир Владимирович был эвакуирован в Казань с ЦКБ-4 (Центральное конструкторское бюро судостроения, созданное на базе Балтийского завода), где был назначен Главным инженером особых проектов и Главным конструктором ЦКБ. Задачей ЦКБ-4 было проектирование и организация массового производства скоростных боевых катеров, обеспечение судостроительных заводов технической документацией и чертежами. Также ЦКБ-4 прорабатывало отдельные конструктивные узлы других военных кораблей (в т.ч. подводную защиту – на базе выполненных до войны опытных работ). А.Н. Крылов и В.В. Бехтерев полностью посвятили свои жизни науке и строительству Российского флота.

А до этого, в период с 1916 года по 1923 год, Владимир Владимирович с женой и детьми жили в Севастополе. 22 апреля 1916 года В.В. Бехтерев, в должности Корабельного Инженера, был командирован начальником Адмиралтейско-

го судостроительного завода Генерал-Лейтенантом А. Моисеевым в Севастополь для работ на линкорах «Императрица Мария» и «Императрица Екатерина Великая», а также на крейсере «Путь», по установке и сдаче турбодетандеров, предназначенных для продувания во время стрельбы стволов боевых орудий, изготовленных Балтийским заводом. А после гибели, при загадочных обстоятельствах, на Севастопольском рейде линкора «Императрица Мария» 7 октября 1916 года, что было большой трагедией для Черноморского флота, и потерей самой мощной боевой единицы на то время, Владимир Бехтерев был назначен экспертом по подъему этого корабля.

Пережив в Крыму революцию, невзирая на многократные смены власти, Владимир занимался спасением корабля для своей Родины. Только в 1923 году он с женой и детьми вернулся в Петроград, и они уже окончательно поселились на Каменном острове, сначала во флигеле, а позже в большом доме отца. И время с 1923 года по 1926 год, когда вновь собрались все вместе, было самым счастливым периодом для всей семьи Владимира Михайловича. На тот момент у Владимира Михайловича и Натальи Петровны было уже пятеро внуков.

28 декабря 1906 года. Тихий берег. Команда обороняющих снежную крепость: Владимир Михайлович с Марией и Наталья Петровна

И говорить о том, что *«в период революции и гражданской войны в особняке на Каменном острове стало голодно, холодно, пусто и дружная семья Бехтерева распалась»*, как сказано автором сценария и режиссером Татьяной Маловой в документальном фильме «Завещание В.М. Бехтерева» (из цикла «Сыны России» 2016 г.), – значит наводить напраслину на семью. Кто-то посмотрит такой фильм и скажет: «Семья – то распалась». А потом, опираясь на такие «высказы-

вания» о семье, напишет книгу и «досочинит», или, того хуже, снимет художественный фильм, как сейчас модно – «по мотивам произведений...».

1929 г. Ленинград, Каменный остров. Нижний ряд: Петр Бехтерев, две неизвестные, Екатерина и Владимир Кандаратские. Верхний ряд: Леонид (родственник Лидии), Лидия Бехтерева, Зинаида Бехтерева.

Вот так – на основе «художественных сочинений» у людей возникают превратные представления о жизни реальных людей. Вымысел оседает в умах, подменяя правду, создавая искаженную историю, что безусловно вредит не только представлению о ее героях, но и ранит хранящих о них память потомков.

В 1924 году отделились и стали жить самостоятельно Петр с семьей и Екатерина с мужем, но тесное общение друг с другом не прекращалось. Часто всей семьей собирались в доме родителей на острове, а лето проводили в «Тихом берегу».

Много историй, связанных с времяпрепровождением в усадьбе, да и на Каменном острове, рассказывали моя бабушка, дедушка, папа, а позже и Мария. Приведу несколько примеров, которые отложились у меня в памяти.

История про «Моего милого Августина»

По одной Венской легенде, когда на Австрию в 1679 году обрушилась чума, унесшая свыше 30 тысяч жизней, жил в Вене бродячий музыкант, – сын трактирщика, который зарабатывал себе на хлеб и выпивку игрой на волынке, исполняя шуточные песни и веселые рассказы.

Однажды, напившись «до изумления», он свалился в чуть присыпанную землей, специально вырытую яму, куда складывали трупы умерших от чумы людей. А когда протрезвел, увидел, где оказался, мигом выбрался наружу, и, встав на краю ямы, спел свою песенку:

«Ах, мой милый Августин, Августин, Августин Ах, мой милый Августин, все прошло, все прошло» ...

Спел свою песенку, и никакая чума его не взяла.

Для полноты повествования – это было на улице Грабен, где теперь в Вене стоит Чумная колонна, которую император установил в честь избавления города от чумы. Эту легенду Владимир услышал от экскурсовода и рассказал домашним после своей поездки в Австрию. Детям понравилась эта история, и на какой-то праздник решили ее инсценировать. В семье обязательно устраивались домашние концерты на праздники, даже Владимир Михайлович старался их не пропускать, когда это было возможно, ведь он был самым главным зрителем. И вот мой папа (Толя), ему было около 11 лет и его сестра (Таня), ей 9 лет, придумали, как этот рассказ оживить, чтобы было смешно.

Толя надевал на себя отцовский плащ, шляпу, углем рисовал себе усы, и детям казалось, что шарманщик был как настоящий. Теперь нужна была шарманка, а дома ее не было, поэтому надо было придумать, как и из чего ее сделать. Нужно было найти предмет, в котором была бы ручка, как у шарманки и которую можно было крутить. Таким предметом оказалась мороженица, яркий предмет бытовой механической техники того времени, фирмы Husqvarna, выпущенная в Швеции в начале XX века.

Она представляла собой деревянный бочонок, внутренний механизм которого был выполнен из чугуна. Главное, у нее была ручка, которая крутилась и которой пользовались при взбивании мороженого. Этот бочонок ставили в коробку, которую Таня разрисовала под шарманку, а она прекрасно рисовала, как и Толя. Затем, просунув ручку в вырезанное отверстие, нехитрое сооружение превратили в «венскую шарманку», как они ее себе представляли. Эта мороженица у нас сохранилась и по сей день, стоит как совсем ненужный предмет из прошлого, разве что как память об Августине. А раньше, в усадьбе, она использовалась чуть ли не ежедневно.

Мороженое было любимым лакомством всех дачников. Еще при жизни бабушки мы хотели попробовать сделать мороженое, но бабушка говорила, что теперь не купить такую соль, какую использовали в то время при охлаждении, да и сливок настоящих теперь нет. Рецепт потеряли. Рассказывали, что пекли еще и вафли круглой формы. Смесь для мороженого намазывали между вафлями и получалось как пирожные «буше». Затем готовое мороженое спускали для замораживания в погреб – ледник, в котором было вырыто глубоко в земле специальное помещение, куда зимой закладывался лед с Финского залива, и он там сохранялся в соломе все лето.

Итак, об Августине. «Ложную шарманку» ставили на стол, накрытый скатертью до пола, а под скатерть, – большие генеральские сапоги Владимира Михайловича таким образом, чтобы из-под скатерти торчали носы сапог. Толя вставал на скамейку позади стола в обличье шарманщика, надев отцовский плащ и шляпу. Зрителям казалось, что перед ними стоит солидный мужчина. Воля (так звали в семье моего деда Владимира) садился играть за свою любимую фисгармонию, которая представляла собой домашний мини-орган – клавишный инструмент, верхняя часть которого была украшена очень красивой декоративной резьбой из дерева. Когда-то она была перевезена из «Тихого берега» домой на Каменный, но во время войны в нее попал осколок снаряда, и ее уже невозможно было восстановить, пришлось с ней расстаться, что очень огорчало деда.

1906 г. Берег Финского залива.

В лодке Ольга и Екатерина. Справа стоит Владимир.

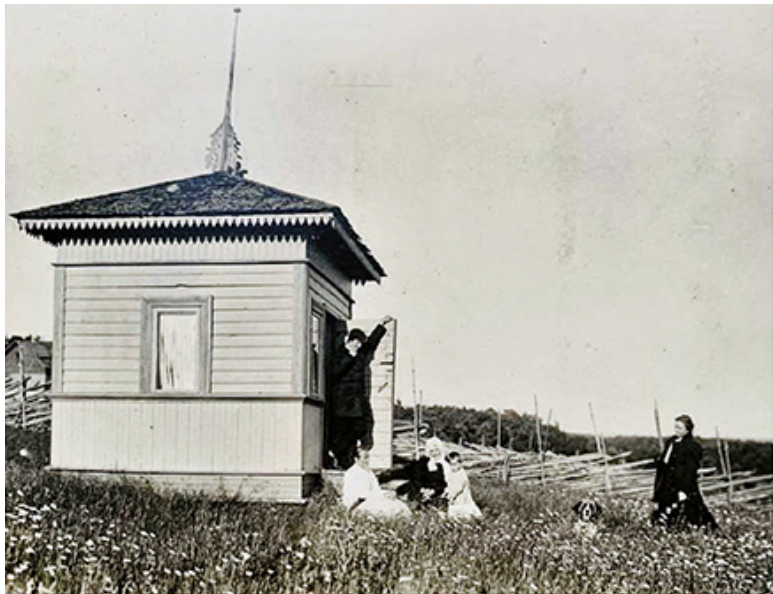
Воля наигрывал мелодию Августина, Таня запевала песню с сочиненными детьми словами, а Толя крутил шарманку, и, изображая пьяного мужика, тоже подпевал: «Ах, мой милый Августин, Августин, Августин...». Иногда переделывали «милого Августина» на «бедного Августина». Зрителей

всегда было много, на концертах присутствовали не только члены семьи, но и вся прислуга, т.к. праздник был для всех. В концерте принимали участие и старшие дети, и, если были гости, они обязательно тоже должны были выступить с придуманным ими номером. Всем детям за выступление полагалось вознаграждение конфетами. В день премьеры «Августина» присутствовал и Владимир Михайлович. Ему так понравился номер, что он взял и положил актерам вместо сладостей деньги, все, что у него были в кармане, причем сумму не маленькую. Артисты, увидев деньги, а не конфеты, как обычно, сначала растерялись, примолкли, а потом так разошлись! Воля заиграл плясовую мелодию, Толя забыл про свою роль шарманщика, скинул плащ, шляпу и пустился с Таней в пляс. С ними плясал и их дед, Владимир Михайлович, а потом и все присутствующие. Сапоги шарманщика так и остались стоять под столом...

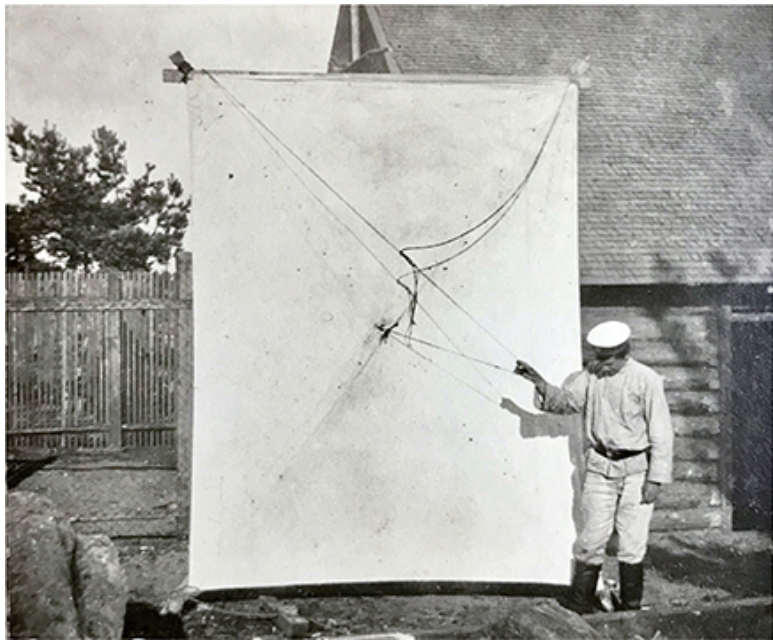
Владимиру Михайловичу потом попало от Натальи Петровны за то, что он внукам дал деньги, она считала это вредным для их воспитания. А моего папу с того дня в семье стали называть Августином. Позже моя мама, зная эту историю, любила подтрунивать над ним, когда у него не оказывалось денег и он вынужден был просить у мамы – тогда она его называла «мой бедный Августин». Вообще выражение «бедный Августин» часто в шутку употребляли в семье не только у папин адрес, но даже и в дедушкин.

В продолжение, про Августина.

Когда папа стал постарше, он увлекся запуском воздушных змеев. Это занятие было очень популярным в то время, но не каждый мог сам изготовить такого змея. Уж больно непроста была его конструкция. Делали их немаленьких размеров, и для того, чтобы змеи летали, надо было правильно их сконструировать, выполнив математические расчеты. Потом изготовить чертежи, которые состояли из геометрических фигур, все углы которых должны были располагаться под определенным градусом. Чуть малейшая ошибка, змею не суждено было взлететь.

1906 г. Усадьба Тихий Берег. Фотолаборатория. У входа стоит Петр, Наталья Петровна (в косынке) с Марией и другие жители деревни Ино.

1906 год. Тихий Берег. Петр с воздушным змеем

Воздушный плоский змей представлял собой каркас, обтянутый полотном или бумагой, а к его нижнему краю прикреплялся хвост. Удерживающая веревка одним концом соединялась со змеем, а другой конец находился на земле и наматывался на катушку. Каркас делался из деревянных реек или тонких стальных прутьев, употребляемых, например,

для зонтиков. Парусом воздушного змея служила его поверхность, выполненная из плотной бумаги или ткани, такой как кисея, батист или шелк. Лучше всего был шелк, поэтому все старые платья отдавали папе на изготовление его забавы. Он их перекраивал, да еще подбирал по расцветкам, чтобы они были красочными, и было видно издалека. Хвост змея был самой важной деталью и делался из веревки, в которую ввязывались приблизительно через каждые десять сантиметров маленькие кусочки бумаги или материи, что было лучше, т.к. хвост из ткани меньше запутывался. Вообще запуск змея – это целая наука, как говорил папа. Сейчас продаются готовые игрушечные змеи, но они не летают на большую высоту. Когда я была маленькой, папа сделал мне такого змея, и возил меня с друзьями на мотоцикле с коляской на Финский залив, где и запускали. Это было так здорово! Но потом мы его не удержали, и он улетел высоко в небо. Мы с ребятами были очень расстроены.

Несколько лет назад, когда мы с мужем были в Индии, нам удалось попасть на праздник «Фестиваль воздушных змеев» – своеобразное прощание с индийской зимой. Каких только змеев индийцы не выдумывали! Запускали и с земли, и с крыш домов, с деревьев. Некоторые даже привязывали к велосипеду или к рикшам и гоняли со змеем по дороге, мешая проезду машин. Даже были «настоящие гремучие», которые грохотали и звенели, разных размеров и цветов, но такого змея, как делал папа, мы не видели.

В «Тихом берегу» запускать летучих змеев было одно удовольствие. Песчаный берег Финского залива давал возможность бегать босиком, не смотря под ноги, а, задрав голову, наблюдать за летающим змеем. Сильные ветры с моря позволяли ему подниматься на большую высоту и долго парить в воздухе.

1906 г. Берег Финского залива. В центре – Владимир, Ольга сидит справа (без зонтика), остальные – неизвестные

В какой-то день Толя, как всегда, запустил своего змея, и, смотря на него, задрал голову вверх, держа конец веревки, которую наматывал на катушку, чтобы удержать змея, неожиданно на кого-то налетел, и от удара свалился. В этот момент, Владимир Михайлович, как обычно, прогуливался по берегу залива с блокнотом и карандашом, смотря в свои записи. Произошло столкновение, для обоих неожиданное. У Толи душа в пятки ушла, когда увидел перед собой деда. А Владимир Михайлович не растерялся, схватил веревку и удержал змея, и даже какое-то время они вместе с удовольствием наблюдали за этим летательным аппаратом. Но вдруг дед его спрашивает: «Мальчик, а как тебя зовут?». «Толя» – ответил он. «А где ты живешь?». Этот вопрос вызвал у Толи недоумение, но ответил: «Да вон в том доме», указав на общий дом. «Что-то я тебя не припомню» – сказал дед. «Да это я, Августин, сын Воли!» – воскликнул Толя. На что дед рассмеялся и произнес: «Ах, Августин, как ты вырос, я тебя не узнал». А ведь только что вместе сидели за одним столом за завтраком, не говоря уже о том, что и жили вместе в доме на Каменном. Но после этого случая, благодаря деду, у Толи появилась настоящая лебедка, чтобы удерживать воздушных змеев еще больших размеров.

1903 г. Усадьба Тихий берег. Владимир Михайлович в кругу родных и знакомых. На нижней ступени сидит Ольга, выше – Наталья Петровна, на верхней – Петр

В усадьбе всегда было много детей, и Владимир Михайлович, под настроение, иногда мог с ними поиграть в мяч или в жмурки. Но запомнить имена детей, и кто чей ребенок, для него было совершенно непостижимо, особенно когда к игре еще подключались дети прислуги. Поэтому дети, зная это, любили над ним подшучивать, и умышленно меняли свои

имена. Таня, маленькая, прибежала к маме и кричала, заливаясь смехом: «Мама, дедушка меня Олей назвал!».

1908 г. Усадьба Тихий берег. Деревенские дети играют на берегу Финского залива вместе в Марией (лежит на камне)

1909 г. Усадьба Тихий берег. У березы – Вова (сын Ольги) и Мария. Слева – дочь прислуги

История, как Владимир Михайлович упал со стога сена.

В один из дней, который семья проводила в «Тихом берегу», стала портиться погода, казалось, что вот-вот начнется дождь. А была скошена трава для коровы, и даже успела высохнуть.

Было жалко, что дождем замочит все сено, поэтому надо было срочно уложить его в стог. Тогда Владимир Михайло-

вич созвал всех присутствующих на даче для спасения сена, и, конечно, первый побежал убирать. Побежали все, даже маленькие дети и моя бабушка Лидия. Когда собрали сено, вся малышня сразу забралась на стог уминать его. Забрался с ними и Владимир Михайлович, что привело детей в полный восторг. Они стали прыгать, визжать, и все вместе веселиться. Вдруг Владимир Михайлович со стога полетел вниз и упал навзничь. Все замерли. Что делать? Лидия подбежала, хотела помочь ему подняться, но Владимир Михайлович отказался. Он встал, потер колени, отряхнулся, достал блокнот с карандашом, и пошел медленно, прихрамывая, и что-то записывая, как будто при падении ему пришла в голову важная мысль. Вдруг остановился и крикнул Лидии: «Надо вокруг стога насыпать сена, чтобы детям было не больно падать!».

1908 г. Усадьба Тихий берег. Прислуга из деревни Ино

Историй про собак было много, и рассказывать про них любили все, каждый интерпретируя по-своему, но суть оставалась одна, – Владимиру Михайловичу было присуще магическое влияние на животных.

1908 г. Тихий берег. Жители деревни Ино. В коляске Мария (в белой одежде)

История про шляпы и собак

В усадьбе было несколько домашних собак различных пород и с десятков приبلудившихся дворняг. Их всех невероятно любили в семье. Говорят, что собаки любят того, кто их кормит, но Владимир Михайлович никогда не кормил лично ни одну собаку, тем более дворовую. Правда, всегда справлялся, накормлены ли они? Однако, как собаки вели себя

при встрече с Владимиром Михайловичем, можно было с удовольствием наблюдать со стороны.

1909 г. Усадьба Тихий берег. Наталья Петровна кормит собак

Владимир Михайлович носил шляпы, и каждую по определенному случаю. Например, если он выходил из дома в шляпе, в которой ездил на работу, то собаки всем скопом неслись вразнобой его провожать, лая и подпрыгивая. Если выходил из дома без шляпы, означало, что вышел ненадолго, посидеть на скамейке и почитать книгу. Тогда собаки устраивались лежа вокруг его ног, расслаблялись и погружались в состояние полного спокойствия и умиротворения. А некоторые, прозорливые, укладывались под скамейку уже в момент, когда Владимир Михайлович только еще собирался присесть. Если на голове у Владимира Михайловича была шляпа, в которой он совершал прогулку, то вся разношерстная компания выстраивалась в цепочку друг за другом и трусила за ним молча, смотря себе под лапы, ступая след в след. Причем каждый раз в определенном порядке. А цепочка состояла приблизительно из десяти и более собак. Как только хозяин останавливался, открывая свой блокнот и делая какую-то запись, собаки поднимали головы, и, бдительно глядя на него, замирали в той позе, в которой пришлось остановиться, иногда подняв одну лапу, приготовившись только сделать следующий шаг. Это напоминало детскую игру «море волнуется раз, море волнуется два, море

волнуется три, море – замри!» Если Владимир Михайлович продолжал дальше идти с блокнотом в руке, то собаки продолжали плестись за ним, в том же порядке. Но как только он убирал свой блокнот в карман, вся свора тут же разбежалась и с радостным лаем начинала прыгать и заигрывать с ним. Тогда начиналась игра с палкой или в мячик, который Владимир Михайлович всегда брал с собой, когда шел гулять. Это выглядело как цирковое представление, поэтому все, кто был в это время на даче, старались не пропустить такого зрелища. А папа рассказывал, что они с Таней специально забирались на дерево, и любили наблюдать за происходящим сверху.

Удивительно, что Владимир Михайлович каким-то образом мог воздействовать на собак одним только взглядом. Много раз видели домашние, как собаки выполняли его поручения без командных слов.

Один раз, когда семья чаевничала на террасе, пришел сосед по усадьбе и поблагодарил за приглашение. Все переглянулись: вроде никто его не приглашал. Увидев вопросительный взгляд Натальи Петровны, Владимир Михайлович сказал: «Это я пригласил. Я дал записку Азору, и он ее отнес». «Да, но соседей много, как собака поняла, кому надо было ее вручить?». Он ответил: «А я Азору подмигнул».

1906 г. Усадьба Тихий берег.

За мольбертом с кистью в руках стоит Екатерина. На бревне сидит Петр

Однажды дворовая собака попала под колесо телеги, которое повредило ей лапу. Владимир Михайлович как раз был дома. Услышав крики, выбежал, схватил пострадавшую собаку и занес в дом. Он сам обработал ей рану и перебинтовал лапу. Бедняга некоторое время пролежала совершенно в

забыть, а потом, как ни в чем не бывало, прихрамывая на больную лапу, убежала, задравши хвост.

История про детские шалости

Иногда в гости на Каменный остров приезжала бабушкина сестра Татьяна со своими дочками Валею и Марусей. В доме тогда становилось шумно: все дети бегали, громко кричали, играли в разные игры и были предоставлены сами себе, пока взрослые занимались своими делами, готовясь к обеденному застолью. Однажды дети так разбаловались, что не заметили, как оказались возле кабинета Владимира Михайловича, и всей гурьбой ввалились к нему в комнату. Когда они сообразили куда их занесло, обомлели, и на секунды замерли. Перед ними оказался Владимир Михайлович, сидящий за столом и что-то писавший. Увидев детей, он поднял глаза, посмотрел на них, и ничего не сказав, продолжил свою работу. Малыши побоялись даже встать, и на коленях, задним ходом, молча ретировались из кабинета. Тут взрослые, увидев сцену, как ребята выползают из кабинета, быстро всех расставили по углам в наказание. Через некоторое время Владимир Михайлович вышел из комнаты и, увидев провинившихся детей, стоящих носами к стенке, спросил: «За что стоите?», – ответили: «За то, что баловались», он рассмеялся и всех выпустил на свободу.

История, как моя бабушка обманывала Владимира Михайловича.

Вообще, эта история, как и другие, о том, насколько Вла-

димир Михайлович был погружен в свои мысли, и порой не замечал, что происходило вокруг.

После 1923-го года у Владимира Михайловича снова появился автомобиль, ему выделили от Совнаркома Северо-Западной коммуны из бывшего царского гаража, которым пользовалось все руководство Петрограда. Поскольку езда на машине отбирала какое-то время от работы, а для Владимира Михайловича каждая минута была дорога, он предпочитал нанимать водителя, благодаря чему, в дороге, не отвлекаясь ни на что, он мог продолжать записывать свои мысли. Но рассказывали, что иногда он приезжал в «Тихий берег», ведя машину самостоятельно.

Когда моей бабушке Лидии нужно было ехать на рынок за продуктами, она поступала по договоренности с водителем следующим образом. Выходила из дома раньше своего свекра и садилась на заднее сиденье машины, которая ждала Владимира Михайловича у входа в дом. Водитель уже понимал, что Лидии нужно ехать за покупками, и в этом случае он должен везти Владимира Михайловича в институт через рынок. Позже выходил Владимир Михайлович, держа в руках блокнот и маленький карандаш в металлическом футляре, который всегда носил с собой. Затем садился в автомобиль, как обычно, на переднее сиденье рядом с водителем, и совершенно не замечая Лиду, давал команду водителю трогаться с места. Владимир Михайлович никогда не смотрел по сторонам и даже в окно, так как все время что-

то писал по дороге. Единственное на что он отводил свой взгляд от записей – это на свои карманные часы «Tissot», на которые изредка поглядывал, чтобы не опоздать в институт. Поэтому водитель, зная привычки своих пассажиров, спокойно ехал другим маршрутом. При подъезде к рынку Лида тихонечко выходила, и машина ехала дальше в институт. Так было несколько раз, но однажды она попалась. Владимир Михайлович услышал, как Лида вышла из автомобиля у рынка. Вечером, приехав домой, он, первым делом отругал своего сына Владимира, за то, что его жена так поступает. Лидии было очень стыдно. Она никак не могла предположить, что Владимир Михайлович согласится подвозить ее до рынка на машине, проделав лишний путь. В дальнейшем Лидия все поездки всегда согласовывала с Владимиром Михайловичем.

В.Л. Дуров на Каменном острове

Владимир Леонидович Дуров в своей практической лаборатории зоопсихологии вместе с Б.Б. Кажинским, который занимался мысленным внушением, проводили исследования с собаками по телепатии. Было проведено очень много опытов, и результаты показали, что мысленное внушение не обязательно должен был проводить дрессировщик, это мог быть другой человек, который бы только знал и применял методику передачи мысли, установленную дрессировщиком. Внушение проводилось не только при непосредственном визуальном контакте с животным, но и на расстоянии, когда со-

баки не видели и не слышали дрессировщика. Как проводились опыты по дрессировке собаки Пикки и их результаты, описано в трудах В.М. Бехтерева «Об опытах над мысленным воздействием на поведение животных».

Такой совместный опыт проводился дома у Владимира Михайловича на Каменном острове. Конечно, присутствие в доме такого знаменитого дрессировщика, как Владимир Леонидович Дуров, – основателя цирковой династии, было большим событием для всех членов семьи Бехтерева, особенно для детей. Все домочадцы не могли дождаться прихода Дурова. Он же должен прийти с собаками, это должно быть так интересно! Наконец появляется Дуров с сенбернаром по кличке Лорд и фокстерьером Пикки. Дети, конечно, путаясь под ногами и толкаясь, ринулись к собакам, желая их погладить. Но, взглянув на хозяина собак, увидели его недовольное лицо, и Владимир Михайлович тоже посмотрел на них неодобрительно. Тогда дети разочарованно развернулись, насупив носы, ушли в другую комнату. Дуров со своими питомцами проследовал за хозяином дома в гостиную, и дверь за ними закрылась. Ребята в растерянности побежали жаловаться взрослым, но им объяснили, что там идет работа. Все же, им было не понятно, что там делали собаки. Их разбирало любопытство, тем более что из комнаты раздавались звонкие звуки рояля и гавканье собак. Но нельзя! Ни-ни! А через некоторое время они увидели, как Дуров с собаками уходит из дома, правда, прощаясь, он сказал, что обязатель-

но еще придет. Как дети были расстроены таким приходом знаменитого дрессировщика!

Но однажды, под Рождество, Владимир Леонидович, нарядившись клоуном неожиданно для всех появился в доме, не только со своими собаками, но и с маленьким медвежонком! Он принес кучу подарков, но они были не так любопытны, как мишка. Боже, что творил этот мишка! В этот день детям было позволено все, и они веселились с нескрываемым восторгом, как им позволяла фантазия. Мишку наряжали, как могли. То юбку, то шляпу примерят ему, то косынку повяжут. Мишка все терпел, а потом по стульям залез на рояль и стал рычать, всем присутствующим показалось, что он даже запел. А тут и Лорд с Пикки стали выражать свой собачий восторг, крутясь на задних лапах. Клоун тоже всех веселил, пел вместе с мишкой песни и танцевал. Было показано целое представление, которое было интересно и детям и взрослым. Поэтому эту историю со временем стали рассказывать каждый по-своему, что больше всего запомнилось.

Из воспоминаний моего деда Владимира о В.Л. Дурове (из семейного архива):

«В 1923 году широко известный клоун – дрессировщик животных Владимир Леонидович Дуров, после долгой практической работы на арене цирка, пожелал посвятить себя научной работе. Уже в преклонном возрасте он обратился к отцу с оригинальным предложением – организовать зоорефлексологическую станцию специального назначения, ко-

тору ю он мог бы возглавить, для изучения условных и безусловных рефлексов различных животных в целях широкого использования их в самых разнообразных областях в интересах государства и человечества.

Так, например, предлагалось в морском деле использовать морских львов, как водолазов и для спасения утопающих, а при оснащении их специальными средствами – для активной защиты от действий вражеских кораблей. Медведей – для расстроя тва атак неприятельской конницы, собак – для выноса раненых с поля боя, хищных птиц – на охоте и для передачи нужной информации командованию и пр. Частичное использование таких животных и птиц для указанных целей практиковалось и ранее, но без определенной системы и без каких-либо научных обоснований.

Составление мотивированной и обстоятельной докладной записки по этому вопросу в ВСНХ было поручено мне, и я исполнил это задание. Одновременно мною были составлены сметные соображения по организации, проведению и развертыванию этого дела, а также отработано штатное расписание по станции. Однако продвижение поставленного В.Л. Дуровым вопроса совершенно неожиданно осложнилось. Дело в том, что супруга Дурова была, по существу, не только хозяйкой дома, но всегда принимала самое активное участие в решении всех хозяйственных вопросов, связанных со служебной деятельностью мужа. Уложиться в рамки существовавших в то время весьма ограниченных лимитов

тов должностных и персональных окладов в государственных учреждениях супруга Дурова не сочла возможным. Она сомневалась также в возможности в условиях карточной системы полноценно и оперативно разрешать все вопросы содержания и питания многочисленного контингента животных в новой государственной организации, и она окончательно решила от выполнения предложенного проекта отказаться. Таким образом, большое интересное и многообещающее начинание, задуманное В.Л. Дуровым, при действующих тогда нормах оценки труда, осуществить не удалось, и это несомненно полезное предложение, к сожалению, в дальнейшем не получило должного развития».

Как правило, все, кто писал о В.М. Бехтереве, представляли его таким, как будто вся его жизнь была по преимуществу заполнена непрерывным монотонным умственным трудом. В какой-то мере это так, но ему не чужды были и обычные человеческие радости. Он был жизнелюбивым, ценящим хорошие шутки, любил природу, море, лес. Когда на даче наступала пора белых грибов, Владимир Михайлович даже откладывал какие-то дела на другие дни, чтобы лишний раз походить за грибами. Любил купаться в заливе с ранней весны до поздней осени. Проявляя научный интерес к детям младшего возраста, он наблюдал за своими детьми, вел дневник, в котором записывал детально произносимые ими звуки, первые слова, описывал их поступки и поведение. На основании этих наблюдений написал несколько трудов о воспита-

нии детей в младенческом возрасте («Вопросы воспитания в возрасте первого детства»). Но дети подрастали, и с каждым годом он все меньше и меньше мог уделять им времени, окунувшись с головой в свои дела, которых становилось все больше и больше. Поэтому по всем личным вопросам дети обращались за советом к Наталье Петровне, но заботу отца они всегда чувствовали и ценили. В то время помимо родителей с детьми занимались гувернантки, учителя музыки и иностранных языков. Все его дети говорили на нескольких языках, владели музыкальными инструментами, хорошо рисовали и пр. Образование все получили самое наилучшее.

Домашние уроки музыки. Слева направо: Петр, учитель музыки, Катя, племянник В.М. – Николай, Владимир

Мария об отце (из архивных материалов музея НИПНИ им. В.М. Бехтерева):

«Около двух недель мы с отцом провели в маленьком итальянском курорте на берегу Средиземного моря. Так странно выглядел отец в итаатском пальто и в шляпе. Ходили гулять по красивым местам, ездили оттуда в Ниццу и в Монте-Карло, папа интересовался решительно всем: растениями, цветами, кипарисами, светлячками, которые там летали, а у нас сидели в траве. Как будто, отец иностранных языков хорошо не знал, но, оказалось, объяснялся довольно свободно по-немецки и по-французски, только с настоящим вятским акцентом. Запас слов у него был очень большой, но говорил он не всегда складно»...

«Когда у него было настроение, он любил петь, но только две вещи, которые ему удавались, других песен я никогда не слышала. Это были: «Из-за острова на стрежень» и главная тема арии из оперы «Князь Игорь». Хорошим слухом отец не обладал и любил слушать незамысловатые песни больше, чем серьезную музыку».

Екатерина об отце (из архивных материалов музея НИПНИ им. В.М. Бехтерева):

«За последние 15 лет жизни, кроме научного творчества, у него появилось стремление к творчеству поэтическому. Большое количество написанных им стихотворений и поэм носили революционный и лирический характер. Наблюдалась большая любовь к простым народным песням. Стихи, правда, писал под псевдонимом – Тихобережский, ассоциируя себя с усадьбой «Тихий берег»».

«Его кипучая энергия и непрерывная активность, находили себе выход во всех областях и во всех направлениях. Например, в период летнего отдыха, каждая его поездка на свою дачу в Финляндию сопровождалась неистощимым стремлением к созиданию и строительству, чем объясняются бесконечные постройки и перестройки дачного характера, в которых он принимал самое активное участие».

Владимир об отце (из семейного архива):

«Несмотря на свою исключительную занятость и кипучую деятельность, все же отец находил время в нужный момент помочь нам, детям, и оказать свое содействие, и как бы невзначай, ненавязчиво принимал участие в нашем воспитании. У нас, его детей, остались о нем самые светлые воспоминания как о человеке исключительной доброты и самого теплого отношения к нам. Приведу примеры, которые достаточно характеризуют моего отца как хорошего семьянина. Вот такой пример: как-то на даче в Финляндии, развлекаясь пиротехникой, я получил сильный ожог лица и обеих рук. Когда я подбежал к отцу, он меня сначала

даже не узнал. Но затем принял такое живейшее участие в оказании мне необходимой помощи, и проявил столько заботливости, что несмотря на боль, я чувствовал себя, если не хорошо, то во всяком случае вполне удовлетворительно, хотя со сплошь забинтованными руками. К вечеру из города прибыл вызванный отцом хирург, известный профессор Л.М. Пуссен, который в дальнейшем и провел нужный курс лечения.

Другой пример: Весьма поучительной была история с голубем, которую я в двух словах расскажу. Будучи еще юнцом, в бытность на даче в Мурино (пригород С-Петербурга), я как-то забрался на голубятню, и не нашел ничего лучшего, как вздумал учить молодого голубя (птенца) летанию. Все шло сначала благополучно, но однажды этот голубь, падая на землю, повредил себе зоб, и погиб. Когда отец узнал об этом, он заставил меня похоронить птицу с особым вниманием. Он сам присутствовал при захоронении, и заставил меня поклониться его праху. Это на меня подействовало так, в воспитательном смысле, что я соответственно уже никогда не стал больше заниматься подобными учениями.

1915 г. Владимир Михайлович за работой, в кабинете на Каменном острове

Еще один пример: Интересен еще один факт в моей жизни, когда отец принял неожиданное для меня участие. Дело касалось интересующей меня девушки, дочери больной, находившейся в клинике отца. Эта девушка по окончании гимназии уехала в Москву, и я потерял ее из виду. Зная, что родственники ее живут в Петербурге, отец и здесь оказал мне содействие, обратившись к одному из них с запросом, используя свою визитную карточку, и тем самым добился интересующих меня сведений».

Сын Владимира Михайловича, Владимир, названный в честь отца, был очень похож на него, тоже был полностью погружен в свою работу. Они оба задали своим сыновьям вопрос: «Когда ты школу закончишь?» – когда те уже учились в институте. Об этом часто упоминали при беседах: «Ну, ты вылитый отец!», – говорила Лидия своему мужу, Владимиру.

Как я уже говорила, у меня возникло желание написать эту книгу из-за часто встречающихся досадных ошибок, порой вымыслов, допускаемых авторами книг и журналистами, пишущими о семье Владимира Михайловича.

Вот пример из книги А.Г. Чудиновских «В.М. Бехтерев. Жизнеописание», 2000 г. Дословно: «После революции Бехтерев жил довольно одиноко. Уехала в Прагу к своему мужу, чешскому врачу, дочь Ольга. С отцом осталась лишь

младшая дочь, Маша, но она тоже вскоре уехала за границу. Еще жил у брата Николай Михайлович, взявший на себя часть домашних хлопот. Его гражданская война застала на Бехтеревской даче в Туапсе, и он навидался всякого, когда по черноморским берегам прокатились сменявшие друг друга разномастные «белые», «черные» и всякие иные банды.

1900 г. Тихий Берег. Семья Владимира Михайловича. Слева направо: Владимир, Владимир Михайлович, Петр, Наталья Петровна, Екатерина, Ольга

Полноправным членом семьи была и много лет прожившая в доме прислуга. Жена Бехтерева – Наталья Петровна осталась жить на даче в Финляндии и в 1921 году умерла», и т.д. и т.п.

Тут все не соответствует действительности. Даже не понимаю, откуда все это взялось? Если прочитать мою книгу от начала до конца, то можно увидеть значительные расхождения событий, описанных выше А.Г. Чудиновских, в сравнении с реальными событиями, происходившими в семье.

Но, несмотря на «художественный вымысел» или некоторые сведения, взятые из недостоверных источников, я хочу выразить А.Г. Чудиновских признательность за написание книги и приведение в ней важных данных по историографии деятельности В.М. Бехтерева.

Известно, что в 1954 году О.Б. Казанской и Т.Я. Хвиливицким был создан указатель трудов и выступлений В.М. Бехтерева, который содержит порядка тысячи наименований. Однако это было уже очень давно. Книга А.Г. Чудиновских, предназначенная для широкого круга читателей, появилась в 2000 году. В ней, помимо прочего, он привел свод-

ные перечни учреждений, журналов, открытий, изобретений и приборов, основанных и созданных В.М. Бехтеревым, что для многих наших современников, знающих ученого только как врача – психиатра, и не имеющих представления о масштабах его научной и общественной деятельности, наверняка оказалось открытием.

Первоначально перечень учреждений и журналов, возникших по инициативе и при непосредственном участии Владимира Михайловича, был опубликован в двухнедельном иллюстрированном популярно-научном журнале «Вестник знания» №6 за 1926 год, который основал сам Бехтерев в 1924 году и являлся его ответственным редактором. Этот выпуск журнала посвящен юбилею академика и 40-летию его гигантской разносторонней деятельности.

Из сводного перечня можно увидеть и представить, сколько еще мог сделать ученый для человечества, если бы не преждевременная смерть (убийство)!

1899 г. На съемной даче в Курье. Справа от коляски – Петр, слева – Владимир Михайлович. В коляске – Наталья Петровна, Катя и Владимир. В темной одежде стоит Ольга. Остальные – неизвестны

В своей книге А.Г. Чудиновских упомянул брата Владимира Михайловича – Николая. Вот что он пишет о нем: *«Старший брат Николай, проработав 13 лет следователем, а затем мировым судьей в Оренбургской губернии, с января 1889 года был назначен членом Пермского окружного суда. На летнее время он снимал дачу в 12 километрах от Перми*

в селе Нижняя Курка, на берегу Камы. Соседнюю же дачу Николай Михайлович арендовал для брата. На пермские дачи приезжал в гости с женой и дочкой средний из братьев Бехтеревых – Александр. Жил он в Златоусте, где служил в нотариальной конторе».

1899 г. На съемной даче в Курье. Справа – Ольга и Екатерина (с собакой). По левую руку от Владимира Михайловича – Петр. На скамейке справа – Наталья Петровна. Остальные

Я мало что знаю о Николае Михайловиче. Только то, что он был прописан в нашем доме, жил на правах полноправного члена семьи и очень много помогал прадеду. В основном это была работа с письмами и документами, т.к. люди массово обращались к Владимиру Михайловичу по разным вопросам, и как к врачу, и как к депутату. Когда я задала вопрос тете Мусе о Николае Михайловиче, она мне ответила в письме следующее:

«Старший брат папы, Николай Михайлович, всю свою служебную жизнь прожил в Кишиневе, когда вышел на пенсию, купил участок около Туапсе, на самом берегу моря, и поселился там с женой. Соседний участок продавался, и он предложил папе его купить, что было и сделано. Какой-то домик там был, и много фруктовых деревьев. Мы получали в Петербурге целые ящики сушеных фруктов от садовника, который там жил постоянно. Когда жена Николая Михайловича умерла, он переехал к нам на Каменный остров, и стал помогать папе с письмами, приводил в порядок библиотеку. У него было два сына, оба жили в Москве. Старший сын, Николай Николаевич, занимал большой пост начальника тяги на железной дороге, приезжал иногда в Петербург, правда, это было еще тогда, когда мы жили в клинике. Он был крупного роста, всегда громкий и шумный. Наша мама его очень любила. Второй сын никогда не приезжал, и я его

никогда не видела. Николай Николаевич однажды, возвращаясь с банкета, упал на улице, и умер, подозревали, от отравления».

Мне известно что, племянник Владимира Михайловича – Николай Николаевич Бехтерев 1877г. рождения, был инженером путей сообщения, профессором. Умер в 1924г. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Про среднего брата Владимира Михайловича – Александра Михайловича, у меня нет никаких сведений.

Про дачу в Курье (Нижняя Курка) вспоминает Владимир (из семейного архива):

«Помню, как к нам на дачу в Курье на Каме (близ г. Перми), куда мы ежегодно ездили из Казани (в бытность отца профессором Казанского университета), пришла некая домработница с пораненной чем-то рукой. Рука у нее была в самом тяжелом состоянии, развивающегося воспалительного процесса. И вот, наш отец, сразу же, быстро и умело, собственноручно оказал ей неотложную хирургическую помощь, и уже через несколько дней поправляющаяся пациентка пришла высказать ему чувство своей благодарности. А ведь состояние больной и вид ее руки во время недавно произведенной операции были настолько ужасные, что одна из моих сестер (будущий медик), помогавшая отцу, впала в обморочное состояние».

Что касается дачи в Туапсе. Действительно, Владимир Михайлович владел участком земли размером 7 и 2/3 деся-

тин в деревне Лазаревская Туапсинского округа Черноморской губернии с 1900 года. Он уплатил за него в Государственную казну выкупную сумму. Построил дом, и засадил на семи десятинах, требующееся договором с казной определенное количество (и достаточно большое) различных фруктовых деревьев и кустов. Затем в течение всего двадцатилетия затрачивал на поддержку и развитие культуры участка и содержание специалиста по садоводству не менее 500 руб. ежегодно. Но с революцией 1917 года, которую он принял всей душой, право на владение собственностью на этот участок было аннулировано. В дальнейшем местные власти приняли решение, что дети Владимира Михайловича и члены их семей могут пользоваться «своей» дачей пожизненно. Какое-то время этим пользовались. После смерти Владимира Михайловича в Туапсе часто бывали Катя с мужем и Владимир со своей семьей. Может быть, и еще кто-то там отдыхал, не знаю. А потом им стали отказывать, поэтому и перестали ездить. Теперь там находится пансионат «Буревестник» – структурное подразделение Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, являющееся федеральной собственностью.

Где-то в августе 1923 (или 1924) года, на южную дачу ездили Владимир Михайлович со своим братом, с целью вернуть свои собственности, но безуспешно. А когда они там были и увидели, что в саду поспело очень много фруктов, то дали домой телеграмму с приглашением приехать, кто смо-

жет. Съездить удалось только Владимиру с семьей. Побыв там какое-то время, Владимир Михайлович с сыном Владимиром вернулись в Петербург, а Николай Михайлович и Лидия с детьми, остались на месяц. Моему папе там очень нравилось. Бабушка наварила тогда уйму варенья и на несколько зим заготовили сухофруктов. Обилие фруктов было такое, что доверху наполненные ими тазы, выставляли на улицу для людей, проходивших мимо участка. Но в какой-то день начался ураган, поднялся такой сильный ветер, что с деревьев посыпались все плоды. А участок расположен на краю обрыва, высоко над берегом моря. Под силой дождя и ветра, большое количество фруктов смыло прямо в море. И когда, на другой день все утихло, папа купался в море, а вокруг него плавали сливы, яблоки, груши. Он брал плавающую рядом с ним грушу в рот, откусывал, потом сливу, и т.д. Папе это запомнилось на всю жизнь, при случае, говорил: «Эх, сейчас бы грушу с моря!».

С началом 1926 года в семье начались неприятности, и это мягко сказано.

26 апреля 1926 года скоропостижно умирает Наталья Петровна. Как это произошло, я уже писала. На похоронах присутствовали все члены семьи, и при всех тогда Владимир Михайлович сказал детям: «Меня потом похороните рядом с мамой».

И вдруг через три месяца, 21 июля 1926 года Владимир Михайлович женится на Берте Яковлевне Гуржи. Что при-

вело всех в недоумение от сделанного им шага.

Такое создается впечатление, что семья оказалась в руках «злого гения», применяющего свои «выдающиеся» способности ради достижения каких-то целей.

Еще до брака с Бертой, на Владимира Михайловича было совершено два покушения. Однажды, когда он зимой ехал в санях, в него стреляли, но пуля попала в портсигар, да еще на нем была плотная зимняя шинель, поэтому обошлось. Этот случай был приблизительно в январе – феврале 1926 года. А ведь он не курил. Здесь 3 варианта: 1 – он носил портсигар с папиросами для угощения, 2 – иногда покуривал, для поддержания разговора с курильщиком, 3 – ему угрожали, или он сам подозревал, что возможно на него планируется покушение. Участвуя, как медик, в войне с турками на Балканах, он видел, что иногда офицера спасал портсигар, когда пуля или осколок снаряда в него попадали. Многие солдаты в войнах носили в левом нагрудном кармане портсигар или металлическую пластину. Поэтому, может быть, он и принял хоть какую-то меру безопасности.

Вопрос: знал ли В.М. Бехтерев о готовящемся на него покушении? А если знал, то кто его оповестил? Ему угрожали?

До этого покушения на Владимира Михайловича, был случай, когда его привезли домой на Каменный остров, в жутком состоянии, кажется с банкета. По всем признакам, с желудочным отравлением. По счастью, в эти дни, Наталья Петровна приехала из «Тихого берега» домой. Ею был сроч-

но вызван какой-то свой врач, тот быстро приехал, и сразу начал процедуру промывания желудка. Благодаря оперативно принятым мерам, все обошлось. Еще несколько дней он был под присмотром Натальи Петровны и врача. Тогда не знали, что это был первый звонок к самому страшному событию, которое было впереди. Никто и предположить не мог, что отравление могло быть преднамеренным. Потом, анализируя все происходящее, пришли к заключению, что это тоже было неудавшимся покушением.

Вспомним о Ф.Э. Арэ, который пишет: *«Берта Яковлевна сопровождала В.М. Бехтерева в его последней поездке в Москву в декабре 1927 года. Она была уверена в том, что ее мужа отравили»*.

Еще бы она была не уверена!

Сначала напишу, что рассказывали мне мои родные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.